

П.Г. Кузнецов, 17 февраля 1994 года.

РОЛЬ РАБОТ Э.В. ИЛЬЕНКОВА В РАЗРАБОТКЕ СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

«...окончательный продукт всей работы в области философской диалектики — решение конкретных проблем конкретных наук».

Э.В. Ильенков

В настоящее время, когда появилось много американских «кепи» с длинными козырьками, я вспомнил старый анекдот — анекдот «с бородой» о мудром чукче. Чукча заказал себе кепку с четырьмя длинными козырьками: один спереди, один сзади и два по бокам. Его спрашивают: «А зачем тебе кепка с четырьмя козырьками?». Мудрый чукча ответил: «Первый, что спереди — это чтобы солнце глаза не слепило. Второй, что сзади, чтобы дождик за шиворот не попадал. А два, что по бокам, чтобы «жёлтая пресса» мне «лапшу» на уши не вешала». Далеко не все народы нашей страны последовали совету мудрого чукчи и теперь страдают не только от «жёлтой прессы», но и от «жёлтого телевидения», поскольку ничем не защищены от той «лапши, которую им вешают на уши». Обрушивая на читателя и слушателя уйму АБСТРАКТНЫХ терминов (из смеси английского с нижегородским), «информаторы» пытаются внушить нам мысль об умственной неполноценности. Жалея своих сограждан, я решил познакомить их с работами одного из моих друзей и одним из «Духов Великих Предков». Мой покойный друг и товарищ, чье 70-летие мы отмечаем 17 февраля (хотя он родился ровно на три месяца раньше меня — 18 февраля 1924 года), в своё время разнёс «антикварное почтение к абстрактному», используя работу Г.В.Ф. Гегеля 1807 года. Он, как я, прошел Отечественную войну «ванькой-взводным», тоже командуя взводом разведки, но не в танковой бригаде, что довелось мне, а в артиллерийском полку. Имеется фотография (в книге «Философия и культура»), где старший лейтенант Эвальд Ильенков попирает сапогом рейхстагского льва в Берлине. С войны он привёз единственный трофей — пишущую машинку «Мерседес», на которой и написаны все его философские работы, разъясняющие культуру научного мышления, которой владели Маркс и Ленин. Принятое на вооружение современной прессой словосочетание — «красно-коричневые» — вполне оправдывается жизнью Эвальда Ильенкова. Все его работы по марксизму написаны на пишущей машинке, которая появилась у Ильенкова из... БУНКЕРА ГИТЛЕРА!

Именно эта забавная история и заставила меня воспроизвести работу Гегеля в переводе Эвальда Васильевича. Именно он как раз и усмотрел в РАЗВИТИИ работ по конкретизации замысла разработки систем жизнеобеспечения известный метод «восхождения от абстрактного к конкретному». Поскольку этот термин употребляется мною в материалах 24 февраля, я счёл необходимым привлечь внимание читателей к проблеме: «КТО МЫСЛИТ АБСТРАКТНО?». Ниже идёт длинный текст самого Гегеля: Г.В.Ф. Гегель. Работы разных лет. Т. 1. — М.: Мысль, 1970. — стр. 387-392 (примерно 1807 год).

«КТО МЫСЛИТ АБСТРАКТНО?»

Мыслить? Абстрактно? *Sauve qui peut!* — «Спасайся, кто может!» — наверняка завопит тут какой-нибудь наёмный осведомитель, предостерегая публику от чтения статьи, в которой речь пойдет про «метафизику». Ведь «метафизика» — как и «абстрактное» (да, пожалуй, как и «мышление») — слово, которое в каждом вызывает более или менее сильное желание удрать подальше, как от чумы.

Спешу успокоить: я вовсе не собираюсь объяснять здесь, что такое «абстрактное» и что значит «мыслить». Объяснения вообще считаются в порядочном обществе признаком дурного тона. Мне и самому становится не по себе, когда кто-нибудь начинает что-либо объяснять, — в случае необходимости я и сам сумею всё понять. А здесь какие бы то ни было объяснения насчёт «мышления» и «абстрактного» совершенно излишни; порядочное общество именно потому и

избегает общения с «абстрактным», что слишком хорошо с ним знакомо. То же, о чём ничего не знаешь, нельзя ни любить, ни ненавидеть. Чуждо мне и намерение примирить общество с «абстрактным» или с «мышлением» при помощи хитрости — сначала протаскивать их туда тайком, под маской светского разговора, с таким расчётом, чтобы они прокрались в общество, не будучи признанными и не возбудив неудовольствия, затесались бы в него, как говорят в народе, а автор интриги мог бы затем объявить, что новый гость, которого теперь принимают под чужим именем как хорошего знакомого, — это и есть то самое «абстрактное», которое раньше на порог не пускали. У таких «сцен узнавания», поучающих мир против его желания, тот непростительный просчёт, что они одновременно конфузят публику, тогда как театральная машинистка хотела бы своим искусством снискать себе славу. Его тщеславие в сочетании со смущением всех остальных способно испортить весь эффект и привести к тому, что поучение, купленное подобной ценой, будет отвергнуто.

Впрочем, даже и такой план осуществить не удалось бы: для этого ни в коем случае нельзя разглашать заранее разгадку. А она уже дана в заголовке. Если уж замыслил описанную выше хитрость, то надо держать язык за зубами и действовать по примеру того министра в комедии, который весь спектакль играет в пальто и лишь в финальной сцене его расстёгивает, блистая Орденом Мудрости. Но расстёгивание метафизического пальто не достигло бы того эффекта, который производит расстёгивание министерского пальто, — ведь свет не узнал бы тут ничего, кроме нескольких слов, — и вся затея свелась бы, собственно, лишь к установлению того факта, что общество давным-давно этой вещью располагает: обретоно было бы, таким образом, лишь название вещи, в то время как орден министра означает нечто весьма реальное, кошелек с деньгами.

Мы находимся в приличном обществе, где принято считать, что каждый из присутствующих точно знает, что такое «мышление» и что такое «абстрактное». Стало быть, остаётся лишь выяснить, КТО мыслит абстрактно. Как мы уже упоминали, в наше намерение не входит ни примирить общество с этими вещами, ни заставлять его возиться с чем-либо трудным, ни упрекать за легкомысленное пренебрежение к тому, что всякому наделённому разумом существу по его рангу и положению приличествует ценить. Напротив, намерение наше заключается в том, чтобы примирить общество с самим собой, поскольку оно, с одной стороны, пренебрегает абстрактным мышлением, не испытывая при этом угрызений совести, а с другой — всё же питает к нему в душе известное почтение, как к чему-то возвышенному, и избегает его не потому, что презирает, а потому, что его принимают за нечто знатное или же наоборот, за нечто особенное, что французы называют “espece”, чем в обществе выделяться неприлично, и что не столько выделяет, сколько отделяет от общества или делает смешным, вроде лохмотьев или чрезмерно роскошного одеяния, разобранного драгоценными камнями и старомодными кружевами.

Кто мыслит абстрактно? — Необразованный человек, а вовсе не просвещённый. В приличном обществе не мыслят абстрактно потому, что это слишком просто, слишком неблагородно (неблагородно не в смысле принадлежности к низшему сословию), и вовсе не из тщеславного желания задирать нос перед тем, чего сами не умеют делать, а в силу внутренней пустоты этого занятия.

Почтение к абстрактному мышлению, имеющее силу предрассудка, укоренилось столь глубоко, что те, у кого тонкий нюх, заранее почуют здесь сатиру или иронию, а поскольку они читают утренние газеты и знают, что за сатиру назначена премия, то они решают, что мне лучше постараться заслужить эту премию в соревновании с другими, чем выкладывать здесь все без обиняков.

В обоснование своей мысли я приведу лишь несколько примеров, на которых каждый сможет убедиться, что дело обстоит именно так.

Ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца — и только. Дамы, может статься, заметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание возмутит толпу: как так? Убийца —

красив? Можно ли думать столь дурно, можно ли называть убийцу — красивым? Сами, небось, не лучше! Это свидетельствует о моральном разложении знати, добавит, быть может, священник, привыкший глядеть в глубину вещей и сердец.

Знаток же человеческой души рассмотрит ход событий, сформировавший преступника, обнаружит в его жизни, в его воспитании влияние дурных отношений между его отцом и матерью, увидит, что некогда этот человек был наказан за какой-то незначительный проступок с чрезмерной суровостью, ожесточившей его против гражданского порядка, вынудивший к сопротивлению, которое и привело к тому, что преступление сделалось для него единственным способом самосохранения. Почти наверняка в толпе найдутся люди, которые — доведись им услышать такие рассуждения — скажут: да он хочет оправдать убийцу! Помню же я, как некий бургомистр жаловался в дни моей юности на писателей, подрывающих основы христианства и правопорядка; один из них даже осмелился оправдывать самоубийство — подумать страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду «Страдания юного Вертера».

Это и называется «мыслить абстрактно» — видеть в убийце только одно абстрактное — что он убийца, и называнием такого качества уничтожать в нём всё остальное, что составляет человеческое существо».

Предлагаю читателям дочитать эту работу великого Гегеля, о котором принято говорить, что его работы «абстрактны». Именно с Гегеля история философии стала считать ИСТИНУ только тогда ИСТИНОЙ, когда она КОНКРЕТНА.

Превращение ЗАМЫСЛА Главного или Генерального конструктора в любой системе военно-промышленного комплекса любой страны, где осуществляется превращение ЗАМЫСЛА в то, что реализовано, в КОНКРЕТНЫЙ МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, что это ПРЕВРАЩЕНИЕ и есть «метод восхождения от абстрактного к конкретному». Пора Главным и Генеральным конструкторам узнать (как герою Мольера, обнаружившему, что он говорит «прозой»), что они в своих разработках пользуются методом Гегеля.

Именно в методе восхождения от абстрактного к конкретному и состояло участие нашего Эвальда Ильенкова в работах по разработке «систем жизнеобеспечения», заданных в работах, которые считались секретными. Первое задание, с которым я знакомил Эвальда, было задание на проектирование ПОЛНОЙ ЗАМКНУТОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ ЛУННОЙ СТАНЦИИ. Это происходило это в 1965 году (С.П. КОРОЛЁВ еще был жив).

После смерти С.П. Королёва Генеральным конструктором стал В.П. Мишин.

Через некоторое время выяснилось, что у нашей страны не хватает средств для лунной ракеты, которую ещё при С.П. Королёве разрабатывало КБ В.П. Мишина. Об этой ракете стало публично известно лишь в день космонавтики два года тому назад.

Академик В.В. Парин, с которым мы дружили ещё в «местах не столь отдаленных», и был главным конструктором системы жизнеобеспечения этой лунной станции. Задание на разработку выглядело более чем «абстрактно» именно в философском смысле. «Сделайте всё так, чтобы космонавтике было ХОРОШО!». Вот и всё, что было в задании! «А что там должно быть?» — спросил Парин. «А на то Вы и наука, чтобы установить, что именно там должно быть и как именно это все можно устроить!».

Я не гарантирую точность этого диалога, но за содержание или за СМЫСЛ его я ручаюсь.

Здесь-то я и отправился к Эвальду. На языке «технарей» это превращение «замысла» в материализованную конструкцию называется «построением дерева ЦЕЛЕЙ». На языке, известном в школе философов Ильенкова — это называется «восхождением от абстрактного к конкретному». Но сам этот процесс управляется РАЗМЫШЛЕНИЕМ с использованием ЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ. Поскольку об участии Эвальда я буду говорить сам, то я лишь назову те логические формы, которые находятся в разработке СЕГОДНЯ. Основное ПРОТИВОРЕЧИЕ, которое разрешается

ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ в настоящий момент — это противоречие между товарным (денежным) фетишизмом, имеющим имя МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ ФОНД и... ЧЕМ-ТО, что должно быть НАЗВАНО, как его полная ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ. Этот термин будет известен как «ФИЗИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА», т.е. как НАУКА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ЦЕЛОГО. Для знатоков работ Ильенкова я предлагаю некую тематику. Следует рассмотреть (для философов) четыре шага работы с логической формой, которая порождена категориальной парой: МОНЕТАРНАЯ СИСТЕМА — ФИЗИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА. Подлинные ученики Э.В. Ильенкова — могут понять, о чём здесь идет речь, а для тех, кто ЗАТРАВИЛ Великого Философа нашей эпохи — этого и знать не надобно. Работы Э.В. Ильенкова — неотъемлемая часть разработки СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ ЗЕМЛИ И БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ В БЕЗГРАНИЧНОМ КОСМОСЕ.